

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. М. В. Каплун
г. Москва, Россия

СИМВОЛИКА СОЛНЦА В ПЬЕСАХ ИОГАННА ГОТФРИДА ГРЕГОРИ

Аннотация: В статье анализируется драматическое наследие Иоганна Готфрида Грегори через призму символического содержания. За основу берется символика солнца и ее преломление в трех пьесах: «Артаксерксово действо», «Иудифь» и «Жалобная комедия об Адаме и Еве». Символика солнца рассматривается на разных поэтических уровнях, в том числе сюжетном, сакральном, пейзажном. Образ солнца, развернуто представленный в пьесах, отражает придворные реалии последней четверти XVII в., связанные не только с придворным церемониалом времен царя Алексея Михайловича, но и со средневековой традицией изображения сакральности монаршей власти и обоснования ее легитимности, что наглядно можно проследить на примере эпохи королевы Елизаветы I Тюдор. Помимо этого, пьесы И. Г. Грегори содержат развернутые пейзажные метафоры, которые также можно обнаружить в произведениях древнерусской литературы, что позволяет проследить преемственность в поэтике древнерусской литературы от XII до XVII вв.

Ключевые слова: русская драматургия XVII в., придворный театр, И. Г. Грегори, символика солнца, поэтика, древнерусская литература, царская власть, пейзаж.

Информация об авторе: Марианна Викторовна Каплун — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: tangosha86@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.12.2017

Дата публикации: 15.03.2018

Автором пьес, написанных для первого русского придворного театра, был пастор лютеранской кирхи в Москве, немец по происхождению, Иоганн Готфрид Грегори. В его пьесах нашли отражение реалии русской придворной жизни Нового времени, а также получила свое развитие распространенная поэтическая символика, умело вплетенная в первые драматические произведения последней четверти XVII в. Попробуем проанализировать символику солнца в драмах И. Г. Грегори.

В Прологе «Артаксерксова действа» находим такую формулировку: «Ты самодержец, государь и обладатель всех россос, еликих *солнце* весть, великих, малых и белых, повелитель и государь Алексей Михайлович, монарха един достойный короне престолу и власти от отца, деда и древних восприяти и оным наследствовати» [6, с. 103]. В данном случае кажется логичным, что пьеса открывается традиционным восхваляющим обращением к царю-батюшке, которое являлось частью придворного

церемониала того времени. Сравнение монарха с *солнцем* представляет собой классический пример устойчивой придворной метафоры. Если рассматривать Пролог первой пьесы И. Г. Грегори в контексте политической обстановки последней трети XVII в., сложившейся вокруг царствования Алексея Михайловича, то можно заметить, что в начале пьесы идет намеренное утверждение незыблемости власти русского самодержца.

Если обратиться к предшествующим историческим событиям, то, как указывает Е. К. Ромодановская, «на первых порах, в преддверии провозглашения царства и после венчания Ивана Грозного, вплоть до конца XVI столетия в центре внимания писателей стоит обоснование необходимости “царства”, “заслуженного” всей историей России, а также надежды на справедливого государя» [9, с. 14]. Однако события Смутного времени и Раскола привели к возможности узурпации власти и подорвали авторитет миропомазания и венчания. Укрепление на троне династии Романовых способствует возвращению к традиционному литературному прославлению царя и утверждению легитимности власти действующего монарха. Этому способствовала государственная деятельность царя Алексея Михайловича в усовершенствовании законов и подготовке нового юридического «уложения». В «Соборном уложении» 1649 г. впервые был оговорен высокий статус царской власти, который прежде существовал по обычаю. Были указаны различные случаи оскорбления царского имени, измены, заговора против монарха, и соответствующие им строгие наказания. Благодаря «Соборному уложению» с юридической точки зрения царь становился центром средоточия власти на Руси как помазанник Божий и, что самое главное, как законный наследник династии Романовых, абсолютно закономерно пришедшей на смену Рюриковичам.

Исходя из этого, метафора *солнца*, присутствующая в Прологе первой русской пьесы, являла собой воплощение христианского властителя в лице Алексея Михайловича. Если рассматривать Пролог «Артаксерксова действия» в контексте известных И. Г. Грегори произведений литературы и искусства, то можно говорить о прямом влиянии на первые русские пьесы придворного искусства эпохи английской королевы Елизаветы I Тюдор. Так, в елизаветинское время была явная установка на символическое обозначение королевской власти. Например, на портрете, традиционно приписываемом Н. Хиллиарду, Елизавета изображена в образе Солнца. Еще один знаменитый портрет Елизаветы «Портрет с радугой» художника Маркуса Герартса Младшего сопровождается подписью «non sine sol iris» (нет радуги без солнца). В английском языке Солнце (Sun) персонифицируется в мужском роде и традиционно является символом мужского начала [3, с. 87]. В эпоху Елизаветы считалось обязательным подчеркивание мужской (в случае английской культуры «львиной», т. е. солнечной) «силы», которой оказалась наделена «слабая» властительница-женщина. Здесь также можно указать на распространение идеи легитимности власти самой Елизаветы в различных произведениях XVI в., которая признавалась дочерью короля Генриха VIII далеко не всеми. Любопытно, что на знаменитом портрете царя Алексея Михайловича руки неизвестного художника, датированном концом 1670-х – началом 1680-х гг. есть надпись: «Образ великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича Великая и Малыя и Белья России самодержца», т. е. фраза, в которой присутствует обозначение государя, чьим именем открывается «Артаксерксово действие», написанное в 1672 г.

Скорее всего, лютеранин по вероисповеданию, И. Г. Грегори, работая над первой русской пьесой, держал в голове уже существующую традицию, связанную с английским (протестантским) придворным искусством XVI в. в изображении властителя

и обоснования его власти. Эту мысль косвенно подтверждает сама идея средневекового придворного театра как продолжения королевского двора с его четким придворным церемониалом. Как указывает М. Сматс, королевский двор — это «микрокосм с ярко выраженным центром в лице короля, но с нечеткой, размытой периферией» [14, р. 4]. А придворный театр в свою очередь — это система ритуалов, целью которых является поддержание мифа о сакральности монаршей власти. Таким образом, место царя приравнивалось к месту, которое Солнце занимало в Солнечной системе. В данном контексте с Солнцем ассоциировались такие ценности, как суверенитет, сила, разум, которые позволяют монарху быть справедливым и милосердным по отношению к своим подданным. Например, далее в тексте пьесы Артаксеркс сравнивает себя с солнцем, равно освещающим всех подданных: «И яко же звезд всех княз то *солнце* есть златое, всем луча дарует, всем дает равное, тако и нам царем достоит сотворяти, всех подданных своих в щедротах приизирати» [6, с. 106].

Интересно, что сам Алексей Михайлович любил сравнивать себя и свое ближайшее окружение с солнцем и звездами вокруг. Например, в письме своему приближенному Артаману Сергеевичу Матвееву царь с христианским смирением писал о своей власти: «От царя и великого князя Алексея Михайловича верному и избранному голове нашему: поздорову ли ты, верный наш раб! <...> К сему же что речет *великое солнце*, пресветлый Иоанн Златоуст: не люто есть спотыкаться, люто, споткнувся, не подняться. Добиваюся зело того, чтоб *быть не солнцем великим, а хотя бы малым светилом, малою звездою* там, а не здесь... И в том не осуди, что пишу: нечист от греха, потому что множество имею его в себе, а о том зело возбраняет ми совесть писати, что чист от греха: ох, люто тако глаголати человеку, наипаче же мне, что чист от греха! И сему конец; еще же за твою верную службу пишу, что у нас делается» [11]. В другом письме своему родственнику (по жене) и знатному вельможе князю Никите Сергеевичу Одоевскому, датированному 1653 г., царь пишет о перенесении мощей Святого Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву: «И подароваль намъ Богъ *великому государю великаго солнца*: якоже древле царю Феодосию присветлаго Иоанна Златоустаго возвратити мощи, тако и намъ дароваль Богъ целителя, новаго Петра и втораго Павла проповедника, и втораго Златоуста, *великаго пресветлаго солнца* Филиппа, митрополита московскаго и всея Росіи чудотворца, возвратити мощи» [8, с. 222]. Добавим к этому, что в христианском мироощущении луна была символом Ветхого Завета, а солнце — Нового. Используя данный образ в своей пьесе, Иоганн Готфрид Грегори не только соблюдал принятую придворную символику, но также намекал, что ветхозаветный сюжет творится при дворе христианского монарха.

Далее в «Артаксерксовом действе» образ *солнца* появляется в вещем сне Мардохея. Во 2 действе 5 сени Мардохей рассказывает спальникам царя свой сон: «Слушай же терпеливно. Видех сю ночь во сне борящих двух змий, с великим воплем вопиющих. Был и гром ударение, и молния к тому же, и тако во вселенней шум, яко земля и небо от того двизалось. К сему же учал приступать черной облак. Исполнен бед, страстей, тоск, святой народ божий люто нача покрывати, чко и все животное в такую скорбь опаство во всем поддалося. И в том возопили все крепко къ единому истинному богу. Тогда излилася абие из малого источника великая река, нечаема и зело быстра. Тма прейде, беда также погибла, *солнце възде ясне, и просия все светло*. Бедный божий люд нача победу творити, и един змий другаго одолевати. Но гордые все низложитись приуждены были, такожде и вторый змий. Ныне рцы ми, молю, что может знаменоватися

сей сон» [6, с. 139–140]. Спальник Асарий тут же толкует сон следующим образом: «Сон сей открывает, что держиши в своей мысли твое приветствование и устрашение. То суть две змии, яже в тебе самом брань творят. Но когда Артаксеркс из своего щедрот источника любви реку токмо на Есфирь излиет, тогда на наш Израиль в своей скорби вертепе взыдет *новоясно солнце*, и от Есфири на нас милость и благословение потечет» [6, с. 140].

Во сне Мардохея фактически присутствует описание буйства природы. Подобные пейзажные зарисовки можно обнаружить в памятнике древнерусской литературы XII в. — «Слове о полку Игореве», где *солнце* упоминается неоднократно и часто в иносказательном смысле. Например, о поражении русских князей автор «Слова» говорит так: «Темно бо бѣ въ 3 день: два *солнца* помѣркаста, оба багряная стѣла погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста» [10]. А в знаменитом плаче Ярославны *солнце* начинает мыслиться как некий обобщенный образ, а не пространственная реалья: «*Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!* Всѣмъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпря-же, тугою имъ тули затче» [10]. Как указывает А. С. Демин, «все элементы “Слова” имели символический смысл» [1, с. 316]. Во сне Мардохея в «Артаксерксовом действе» используется подобный иносказательный прием, сначала рисуящее всеобщее землетрясение («Был и гром ударе-ние, и молния к тому же, и тако во вселенной шум, яко земля и небо от того двизалось») и всевозможные беды, свалившиеся на род людской, затем всеобщее благоденствие, вызванное искренней молитвой, взыванием к Всевышнему («Гма преиде, беда также погибла, *солнце взыде ясне*, и просия все светло»).

Но, в отличие от «Слова», где действует сложная многоуровневая структура иносказательных символов, не всегда обозначающих то, что принято, И. Г. Грегори сознательно вводит в пьесу существующую, а не выдуманную христианскую символику (борьба двух змий, обращение «къ единому истинному богу»), тем самым упрощая иносказательную часть пьесы до минимума, сводя конфликт к борьбе противоположностей, символизирующих тьму и свет. Подобный контрастный прием также характерен для театра эпохи барокко, часто заключающего в себе контрастные аллегории, например, столкновение света и тьмы, резкий поворот в судьбах героев, чудеса, которые обнаруживаются в пьесах Грегори, образуя пары: Астинь и Есфирь, Олоферн и Иудифь и так далее [13, с. 566]. «*Солнце взыде ясне*» здесь выступает как результат избавления от бед, вызванных заговором ближайшего окружения Артаксеркса, а *новоясно солнце* персонифицируется в лице героини Есфири, будущей жены Артаксеркса, которая должна принести долгожданный покой государству.

Интересно, что сравнение Есфири с *солнцем* нужно И. Г. Грегори, чтобы подчеркнуть ее будущее возвышение при дворе, ведь если с начала пьесы царь уже мыслится как *солнце*, то подобное сравнение у Есфири дает повод говорить об огромном влиянии будущей царицы на государя. Этот мотив легко объясним, если учитывать, что каждый герой «Артаксеркова действия» имеет свой исторический прототип. В сознании современников история кроткой Есфири невольно соотносилась с женитьбой царя Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной, которая на тот момент имела определенное влияние при дворе, и, по одной из версий, театр появился на Руси благодаря желанию царя угодить молодой супруге, любившей театральные действия. И. Г. Грегори, хорошо знакомый с придворными реалиями того времени, в своих описаниях и сравне-

ниях просто старался следовать окружающей его действительности. Во второй по счету пьесе И. Г. Грегори «Иудифь» именно в уста главной героини автор вкладывает важный призыв, возвещающий о победе над врагом: «Услышите же мя, братие! Возвесите главу сию на стенах наших градских и, егда *взыдет солнце*, возьмите кождо вас оружие свое и изыдите внезапно со силою и воплем» [6, с. 454]. На примере образов Иудифи и Есфири, на протяжении обоих пьес сравниваемых с *солнцем* и таким образом наделяемых автором определенной властью и силой, можно проследить изменившееся отношение к женщине, начавшее формироваться на Руси в Новое время [4, с. 139-147].

Коснувшись природных описаний в «Артаксерксовом действе», перейдем к еще одной пьесе И. Г. Грегори, где описание природы выливается в полноценный живописный пейзаж. Речь пойдет о «Жалобной комедии об Адаме и Еве», датированной 1675 г. Данная пьеса наследует традициям школьной драмы и по своему содержанию имеет много общего со средневековой мистерией (Paradiesspiel) и жанром моралите. В подобных жанрах часто можно обнаружить устойчивые метафоры и сравнения, как правило, соотносимые с христианской символикой. Так, во 2 действе 1 сени пьесы в сцене, где Змия описывает рай, в котором живут Адам и Ева можно увидеть благополучие, перенесенное на природу: «О, коль блажен мужь Адамь, его же Богъ сице почтитьъ есть! Где бо множае такового рая обрести, в немъ же ныне Адамь и Евва обитает? То бо жилище и лутшим прохладением вашимъ есть. Имянно ж видите и слышите лепотных струев шумы, видите и слышите красных птиц пение, имете такъже прохладение ваше и радость в зверях и рыбъ в водах; возможно вам утешитися в прекрасных злаках и деревьях, и в различных цветах. Аз днес поутри зело рано пред *солнечнымъ восходомъ стояще*, не возмогль до воли утешитися изъ умильного пения птиц во вертограде, очеса мои удоволны бяху в прекрасных овощах на деревьях. По сем, егда *пресветло сияющее солнце* мало росу о трав осуши, пошель есмь ни что прогулятися и обретох различные красовитые овощи» [7, с. 119].

Похожие природные описания можно обнаружить и в раннем творчестве И. Г. Грегори, например, в его штутгартском стихотворении, которое было написано во время короткого пребывания Грегори в Германии в составе русского посольства в октябре 1667 г.¹ Например, описание даров земли Русской в стихотворении совпадает с видением рая в «Жалобной комедии»: «Человек здесь также наблюдает *восход и закат солнца*, // И земля здесь изобилует спелыми плодами, // А сколько красивых рек наполнено странной (разнообразной) рыбой? // А лес способен снабдить медом и дичью ваш стол» [5, с. 174]. *Солнце* в обоих случаях мыслится как неотъемлемый символ благоденствия и процветания.

Подобное благоденствие можно обнаружить и в более раннем памятнике древнерусской литературы — «Слове на антипасху» Кирилла Туровского (XII в.): «Ныне небеса просветишася, темных облак яко вретича съвлекъше, и светлымъ въздухом славу Господню исповедають... Ныне *солнце красуяся к высоте възходит* и радуяся землю огреваеть... Ныня зима... престала есть, и лед... растаяся... Днесь весна красуется одивляюще земное естество, и горнии (вар.) ветри тихо повевающе плоды гобзуютъ, и земля семена питаючи зеленую траву ражаеть...» [2, с. 416]. Как указывает А. Н. Ужанков, «сакральность описанного у Туровского выражается сразу на нескольких смысловых уровнях, помимо открыто-символического» [12, с. 29]. Эти уровни также применимы к описаниям в пьесе Грегори. И у Туровского, и у Грегори присутствует особая объемная динамика повествования, когда одно природное описание сменяет

¹ Подробнее о штутгартском стихотворении И. Г. Грегори см.: [5].

другое. В «Слове об антипасхе» мы имеем дело с пейзажем благодатной весны, пришедшей на смену холодной и мрачной зиме. В «Жалобной комедии» мы наблюдаем за природой как бы со стороны, цель же автора — показать нам истинную красоту райской природы и дать читателю или зрителю спектакля возможность ее почувствовать, для этого Грегори напрямую обращается к смотрящему или читающему пьесу («имянно ж видите и слышите лепотных струев шумы», «возможно вам утешитися в прекрасных злаках и древесях»). *Солнце* же в обоих текстах несет христианскую символику и выступает как поэтическая метафора незыблемой власти Творца над природой и всеми живущими тварями.

Стоит также отметить, что оформление спектаклей было призвано подчеркнуть «солнечный» характер представления, с одной стороны, рисуя светлый пейзаж, с другой — подчеркивая роскошь царского двора. Как известно, дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском, имеющий статус постоянной резиденции государя, представлял собой симбиоз традиций допетровской Руси и европейского искусства. На потолках дворца был изображен небосвод, солнце, луна, зодиакальные знаки и звезды, расписанные позолотой. При строительстве Комедийной хоромины, первого театрального здания, построенного по указу царя в селе Преображенском под Москвой, также использовалась позолота и дорогие ткани при росписи стен, и есть все основания полагать, что орнамент, украшавший хоромину, продолжал традиции росписи Коломенского дворца, в котором впоследствии ставили придворные спектакли. Как указывает Л. А. Черная, «символика золота как образа божественного огня, перешедшего на славу царства, проявилась в обилии золотых скипетров, престолов, венцов и тому подобных вещей, украшавших сцену в нескольких спектаклях» [13, с. 357]. Золото олицетворяло собой царскую власть, логично продолжая «солнечную» символику в контексте барочной эстетики. Подобная сценография была призвана подчеркнуть связь земной царской власти с небесным покровительством.

Символика солнца в пьесах Иоганна Готфрида Грегори оказывается органично вплетена в русские придворные реалии Нового времени, при этом являя собой пример самобытности авторского стиля, который берет свое начало в традициях западного средневекового искусства, древнерусской поэтики, христианском мировоззрении и барочной эстетике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 405 с.
- 2 Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Академия наук СССР, 1955. Т. XI. С. 409–426.
- 3 Забалуев В. Н. Английская пьеса-маска XVI–XVII вв. М.: ВК, 2009. 264 с.
- 4 Каплун М. В. Женские образы в пьесах «Артаксерово действо» и «Иудифь» И. Г. Грегори // Вестник славянских культур. 2016. Т. 41. С. 139–149.
- 5 Каплун М. В. Об одном стихотворении Иоганна Готфрида Грегори // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2, № 4. С. 170–182.
- 6 Ранняя русская драматургия XVII – первая половина XVIII в.: в 5 т. М.: Наука, 1972. Т. 1: Первые пьесы русского театра. 511 с.
- 7 Ранняя русская драматургия XVII – первая половина XVIII в.: в 5 т. М.: Наука, 1972. Т. 2: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. 368 с.

- 8 *Романов А. М.* Собрание писем Царя Алексея Михайловича. М.: Книга по требованию, 2016. 266 с.
- 9 *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.
- 10 Слово о Пльку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова (Библиотека литературы Древней Руси) // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4941> (дата обращения: 15.12.2017).
- 11 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 29 т. Т. 10. Глава четвертая. Продолжение царствования Алексея Михайловича. URL: <http://solovyev.lit-info.ru/solovyev/istoriya-rossii/10-glava-chetvertaya-ii.htm> (дата обращения: 15.12.2017).
- 12 *Ужанков А. Н.* Эволюция пейзажа в русской литературе XI – первой трети XVIII вв. // Древнерусская литература: изображение человека и природы / отв. ред. А. С. Демин. М.: Наследие, 1995. 335 с.
- 13 *Черная Л. А.* Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 2013. 413 с.
- 14 *Smuts M.* Court culture and the origins of a royalist tradition in early Stuart England. Philadelphia (PA): University of Pennsylvania Press, 1987. 346 s.

© 2018. Marianna V. Kaplun
Moscow, Russia

THE SYMBOLISM OF THE SUN IN JOHANN GOTTFRIED GREGORY'S PLAYS

Abstract: The article explores the dramatic heritage of Johann Gottfried Gregory through the lens of its symbolic content. In particular, the symbolism of the sun and its interpretation in three plays “Artaxerxes action”, “Judith” and “Pitiful Comedy of Adam and Eve”. The author examines symbolism of the sun on different poetic levels, including plot, landscape and sacral level. The sun image, represented in the plays, reflects the court realities of the last quarter of the XVII century, related not only to court ceremonial during the reign of Tsar Aleksey Mikhailovich, but also to medieval tradition of depicting the sacredness of Royal authority and justification of its legitimacy, which clearly can be traced drawing on the example of the era of Queen Elizabeth I Tudor. In addition, plays of J. G. Gregory contain the detailed landscape metaphor which can also be found in the works of Old Russian literature, allowing us to trace the continuity in the poetics of Old Russian literature from the XII to the XVII century.

Keywords: Russian drama of the XVIIth century, court theatre, J. G. Gregory, symbolism of the sun, poetics, Old Russian literature, royal authority, landscape.

Information about the author: Marianna V. Kaplun — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: tangosha86@mail.ru

Received: December 18, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Demin A. S. *Poetika drevnerusskoi literatury (XI–XIII vv.)* [Poetics of Old Russian literature (XI–XIII centuries)]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 405 p. (In Russian)
- 2 Eremin I. P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo [The literary heritage of Cyril of Turov]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1955, vol. XI, pp. 409–426. (In Russian)
- 3 Zabaluev V. N. *Angliiskaia p'esa-maski XVI–XVII vv.* [English masked play of the XVI–XVII centuries]. Moscow, VK Publ., 2009. 264 p. (In Russian)
- 4 Kaplun M. V. Zhenskie obrazy v p'esakh “Artakserksovo deistvo” i “Iudif” I. G. Gregori [Female images in the plays of “Artaxerxes performance” and “Judith” by I. G. Gregory]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2016, vol. 41, pp. 139–149. (In Russian)
- 5 Kaplun M. V. Ob odnom stikhotvorenii Ioganna Gotfrida Gregori [On one poem by Johann Gottfried Gregory]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no 4, pp. 170–182. (In Russian)
- 6 *Ranniaia russkaia dramaturgiia XVII – pervaiia polovina XVIII v.: v 5 t.* [Early Russian drama of the XVII – first half XVIII century: in 5 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1972. Vol. 1: Pervye p'esy russkogo teatra [The first plays of the Russian theatre]. 511 p. (In Russian)
- 7 *Ranniaia russkaia dramaturgiia XVII – pervaiia polovina XVIII v.: v 5 t.* [Early Russian drama of the XVII – first half XVIII century: in 5 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1972. Vol. 2: Russkaia dramaturgiia poslednei chetverti XVII i nachala XVIII v. [Russian drama of the last quarter of the XVII and beginning of the XVIII century]. 368 p. (In Russian)
- 8 Romanov A. M. *Sobranie pisem Tsaria Alekseia Mikhailovicha* [Collection of letters of Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, Publ., 2016. 266 p. (In Russian)
- 9 Romodanovskaia E. K. *Russkaia literatura na poroge novogo vremeni: puti formirovaniia russkoi belletristiki perekhodnogo perioda* [Russian literature on the eve of modern times: path of formation of Russian fiction of transitional period]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 232 p. (In Russian)
- 10 Slovo o Pl"ku Igorevĭ, Igoria, syna Sviat"slavlia, vnuka Ol'gova (Biblioteka literatury Drevnei Rusi) [The tale of Igor's campaign, Igor, son of Sviatyslav, the grandson of Olga (the Library of literature of Ancient Rus)]. *Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN* [The Institute of Russian literature (Pushkin House), RAS]. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4941> (accessed 15 December 2017).
- 11 Solov'ev S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen: v 29 t. Vol. 10. Glava chetvertaia. Prodolzhenie tsarstvovaniia Alekseia Mikhailovicha* [History of Russia from ancient times: in 29 vols. Vol. 10. Ch. 4. The continuation of the reign of Alexei Mikhailovich]. Available at: <http://solovyev.lit-info.ru/solovyev/istoriya-rossii/10-glava-chetvertaya-ii.htm> (accessed 15 December 2017). (In Russian)
- 12 Uzhankov A. N. Evoliutsiia peizazha v russkoi literature XI – pervoi treti XVIII vv. [Evolution of landscape in Russian literature of XI – the first third of the XVIII century]. *Drevnerusskaia literatura: izobrazhenie cheloveka i prirody* [Russian literature: the image of man and nature], responsible edited by A. S. Demin. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 335 p. (In Russian)

- 13 Chernaia L. A. *Povsednevnaia zhizn' moskovskikh gosudarei v XVII veke* [Daily life of Muscovy in the XVII century]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013. 413 p. (In Russian)
- 14 Smuts M. *Court culture and the origins of a royalist tradition in early Stuart England*. Philadelphia (PA), University of Pennsylvania Press Publ., 1987. 346 p. (In English)